

СЛУЖИТЬ МУЗЫКЕ — ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ

Сухощавый человек в строгом дирижерском фраке стремительно вышел из-за кулис и как-то очень ловко и быстро пробрался между тесно сидящими на сцене музыкантами за дирижерский пульт. Властный взмах руки — и музыка то светлая, лиричная, то гневная и печальная, поведала нам о трагической любви чернокожего юноши к белой девушке. Исполнялась сюита из балета азербайджанского композитора лауреата Ленинской премии Кара Караева «Тропой грома».

Интересно было наблюдать за руками дирижера, которые зримо «творили» музыку. Вот правая поманила кого-то из глубины сцены, и глухие, тяжелые удары раскатились по залу. Вот левая сделала легкий знак, и в спор с удариными вступили певучие скрипки. Их поддержали виолончели. Инструменты девятидесяти музыкантов зазвучали как один большой многоголосый инструмент.

За дирижерским пультом стоял человек, имя которого широко известно в музыкальных кругах не только нашей страны. Маэстро НИЯЗИ — народный артист СССР, композитор и художественный руководитель Азербайджанского симфонического оркестра. Три лауреатских медали и знак депутата Верховного Совета Азербайджанской ССР поблескивают на его фраке.

Я прошу маэстро рассказать читателям нашей газеты о своем творческом пути.

— Давайте начнем с оркестра, — говорит Ниязи, — потому что все мы, азербайджанские музыканты, выросли и воспитались в нашем оркестре. 28 апреля 1920 года в Азербайджане была установлена Советская власть, а уже в начале июня вышел декрет об организации симфонического оркестра. Время было тяжелое, но музыкантов приравнивали по положению к красноармейцам и положили им красноармейский паек. С этого момента музыкальная жизнь в нашей республике стала развиваться семимильными шагами. А с 1938 года начал свое существование и наш Государственный симфонический оркестр. Мне, молодому тогда человеку, была поручена эта организация. Учил других и сам учился. Наверное, трудно переоценить то, что сделал оркестр для развития национальной музыки, для развития музыкальных вкусов нашего народа. Он давал путевку в жизнь новым произведениям азербайджанских композиторов, он приобщал азербайджанцев к русской, советской и западной классике и был трубадуром на-

циональной музыки за пределами республики. За эту деятельность в 1955 году ему было присвоено звание заслуженного коллектива республики, а в 1957 году — звание лауреата Всесоюзного конкурса.

— Говорят, вы участвовали в создании еще одного оркестра?

— Да, мне довелось участвовать в создании симфонического оркестра Монгольской Народной Республики. Трижды бывал там в длительных командировках, занимался с дирижерами, музыкантами, готовил их к зарубежным гастролем. Многие монгольские музыканты проходили стажировку в нашем оркестре, а кларнетист Орумбойт участвует в этой нашей поездке по Сибири. И вот какие сравнения напрашиваются. В Иране только только открылся оперный театр, и нет ни одного композитора, пишущего национальную музыку. В Афганистане нет ни оперного театра, ни симфонического оркестра, ни композиторов, создающих национальную музыку. А в народной Монголии идут свои оперы, в прошлом году была написана музыка первого ба-

лета, и он поставлен на сцене. Если сравнить нашу республику с соседними восточными странами — в музыкальном развитии мы ушли от них лет на 100 вперед.

Даже в Турции, имеющей богатые музыкальные традиции, во главе президентского оркестра стоит немец — Лессинг, и оркестр этот, как правило, играет сочинения западных композиторов, а не турецких. Во время своей поездки в Турцию в 1963 году я продирижировал фортепьянным концертом современного турецкого композитора Адна-на Сайгуна. Турецкая печать писала тогда: «Чтобы услышать концерт нашего патриарха музыки, потребовался приезд советского дирижера Ниязи».

— Знают ли в Турции русскую музыку?

— Знают и любят. Меня приглашали ставить в Анкаре оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама». Обычно оперы здесь идут на языке композитора, скажем, оперы Верди — на французском, Россини — на итальянском, а либретто «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» были переведены на турецкий язык. Я не возражал, перевод был сделан с большим тактом, была достигнута гармония музыки и слова. И если европейские оперы, идущие на иностранных языках, фактически оказываются доступными ограниченному кругу слушателей — в основном дипломатическому корпусу, то в данном случае «Онегина» и «Пиковую даму» мог понять любой простолюдин. У меня был контракт на постановку и дирижирование 10 спектаклями «Пиковой дамы», а пришлось продирижировать 18 аншлаговыми. В эту поездку я взял с собой нашего солиста Лютфира Иманова. Он пел партию Германа на русском языке, но одну арию мы с ним разучили на турецком. Какой шквал оваций всхлинул в зале, когда он пропел арию! Зрители восприняли этот факт как дань величайшего уважения к ним.

В Турции среди музыкаль-

ной интеллигенции немало хороших друзей нашей страны. В концертах исполняются произведения Прокофьева, Чайковского. Я сам дирижировал Шестой симфонией Чайковского, своим мушкетером «Раст», «Азербайджанским капричем» Амирова.

— Это трудно, наверное, дирижировать «чужим» оркестром?

— Трудно, когда работаешь с плохими музыкантами, но мне приходилось иметь дело с великолепными коллективами, и мы находили общий язык. В 1955 году мне выпала честь открывать «Праздничную музыкальную весну» и быть отмеченным «Знаком почета» СССР, после гастролей в Венгрии я был награжден медалью Белы Бартока, в ГДР мне вручили медаль города Карл-Маркс-Штадта. Все это после работы с «чужими» оркестрами.

— Как вы относитесь к мнению, что в наше время падает интерес к серьезной музыке, что ее вытесняет эстрадная и что на Западе это особенно ощутимо?

— В 1967 году в Париже мне пришлось открывать фестиваль имени Чайковского, а затем фестиваль советской музыки — билеты были распроданы задолго до начала фестивалей. Дирижировал я 22 спектаклями в королевском оперном театре «Нувент Гарден» в Англии и видел, что зал всегда был полон. Во многих городах Европы выступал за последние годы, но с пустыми залами встречаться не приходилось.

Конечно, эстрадная музыка благодаря телевидению, транзисторам, магнитофонам получила широкое распространение, но всему свое место. Я считаю, что наши концертные организации оказывают плохую услугу зрителям, когда, приглашая из-за рубежа эстрадные группы, отдают под их выступления филармонические залы. На Западе эстрада знает свое место — она выступает в специальных

помещениях, в варьете, но никак не в филармонических залах. Надо воспитывать у слушателей уважение и к залу, где звучит серьезная музыка.

Несмотря на обилие серийной музыки на Западе, в концертных залах, оперных театрах звучат произведения Баха, Бетховена, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова. Прогрессивные художники стоят на позициях реалистического искусства, и наша страна является для них примером в этих вопросах. Я уверен, ни один из знакомых мне западных дирижеров — английских, французских, немецких, бельгийских — не поднимет палочку, чтобы исполнить произведение серийной музыки.

— Трудна жизнь музыканта?

— Длительные поездки, конечно, утомляют. Но все это искупается радостью встречи с новой аудиторией, новыми слушателями. Мы совершаем большое турне по стране. Выступили в Москве на открытии праздника народов искусств СССР, затем давали концерты на Урале, потом в Красноярском крае, а сейчас выступаем в Кузбассе. И везде приятные встречи, заинтересованные слушатели. Нет, служить музыке — великое счастье!

Беседу вел А. СУВОРОВА.

НА СНИМКЕ: народный артист СССР Ниязи.

Фото В. Грызынина.